

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Голованева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: yarrow@inbox.ru.

Мифтяева Серур Алиевна, магистрант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: surur57@mail.ru.

В статье рассматриваются возможности соблюдения ясности и точности при осуществлении художественного поэтического перевода с татарского на русский язык. Авторами делается вывод о частотности нарушения данных постулатов перевода. Этому часто способствуют коммуникативно-когнитивные задачи переводимых текстов.

Ключевые слова: перевод, ясность, точность, коммуникативно-когнитивные задачи перевода

THE QUESTION OF SPECIFIC LITERARY TRANSLATION

Golovaneva Marina A., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: yarrow@inbox.ru.

Miftyaeva Serour A., undergraduate student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: surur57@mail.ru.

The article considers the possibility of compliance with clarity and precision of artistic poetic translation from the Tatar language to Russian. The authors conclude that the frequency of violation of these postulates translation. This is often contribute to cognitive-communicative tasks of the translated text.

Keywords: translation, clarity, accuracy, communicative and cognitive tasks translation

Поэтическое творчество татарского автора Газизы Багаветдин кызы Самитовой конца XIX – начала XX века разнообразно, тематически многопланово и весьма неоднородно с точки зрения речевой природы и стиля. Та часть стихов, которая была написана на татарском языке, частично переведена на русский язык. В нашей работе использованы тексты в переводе одной из самых активных переводчиц – Розы Глинской [2], а также Дании Бурнашевой [6]. Г. Самитова писала на родном языке. Это было и остаётся одним из наречий поволжско-татарского языка, которое долгое время именовалось как *астраханско-татарский язык*. Однако термин не удержался ввиду его неточности. «Основные особенности поволжско-татарского языка, свойственные и диалектам, и литературному языку, созданному после революции, и отличающие его от других тюркских языков, лежат в области словаря, морфологии и фонетики» [4].

Творчество Г. Самитовой начинается приблизительно в 1872 году, т.е. за полвека до революции. Следовательно, она не владела литературным вариантом языка. Её родной поволжско-татарский восходит к языку Джучиева улуса или Золотой Орды, в простонародье именовался «тюрки». При этом поэтесса была наблюдателем подготовительных процессов создания литературного варианта, но использования его широко, массово, она не застала ввиду своей кончины в 1928 году.

При рассмотрении переводов, безусловно, не могут быть оставлены без внимания языковые, исторические, лингвокультурологические особенности

исходных текстов. Эти специфические характеристики оказывают существенное влияние на конечный речевой продукт. Данные особенности сказываются на готовом тексте иначе, чем это имело бы место при переводе стихов на язык, функционирующий дистантно от исходного. Для иллюстрации некоторых особенностей перевода приведём два текста Г. Самитовой в переводе Р. Глинской.

1. Хочу домой

Мне б прочесть Азан
 Да мечеть вдали осталась
 Только-только подросли мы
 Доля камнем нам досталась.
 По степи брожу одна я
 Будто ветру отдана я
 И страдаю, и желтею,
 На чужбинушке худею.
 Что поделатъ, если доля
 На головушку младую.
 Что поделатъ, божья воля –
 Так по родине тоскую.
 Посылаю я приветы
 Вдаль родным ветрам и степи.
 О, Аллах, твори заветы
 Быть на родине мне летом.

2. Турецкий – для души веско

Читала по-персидски –
 Не подходит и близко.
 Читала по-арабски –
 Не дался по-братски.
 Взялась за турецкий –
 Для души веско.
 Кто на нем читает,
 Мудрость обретает.

3. Другого сватают тебе...

Костёр горит, и пламя полыхает,
 А бед не счесть на этом берегу.
 Когда к душе подступит наслажденье,
 Я от печали с радостью сбегу.

К художественному переводу не может быть предъявлено требование дословной точности, которое непреложно соблюдается в переводах технических, научных и деловых текстов. К переводу стихотворному это применимо ещё в меньшей степени ввиду невозможности соблюдения буквальности при условии, что на первый план выдвигается критерий рифмованности. Так, в тексте (1) в конечном варианте читаем первые четыре строки, тогда как в оригинале этот речевой фрагмент звучит:

Менеп азан эйтер идем,
 Ерак калды манаралар.
 Бэзлэр генэ усеп житкэч,
 Авыр булды заманалар.

Текст (3) наиболее близок к оригиналу, подстрочный перевод Д. Бурнашевой звучит следующим образом:

Горят огни в костре,
 А бед сейчас не счесть мне.
 От печали бежать хочу,
 Если душа будет наслаждаться.

Обязательным условием в ситуации, связанной с художественным стихотворным текстом, является следующее: переведённый текст должен производить точно такое же коммуникативно-когнитивное воздействие на сознание реципиента, как и исходный. Спектр переживаний читателя, его эстетическое и эмоциональное восприятие слова в данной речевой ситуации должно полностью совпадать с подобными характеристиками в ситуации с рецепцией оригинального текста.

Текст (1), несомненно, отражает в переводе настроение тоски, свойственное исходному тексту. Стилистическая близость данного произведения устным народным образцам (а именно лирической песне, плачу) выявляется в таких лексических единицах и сочетаниях, как *на чужбинушке, на головушку младую*.

Текст (2) содержит фразеологизированную конструкцию *не подходит и близко*. Это эквивалент татарского сочетания *бэна торды каршы*, переведённого с помощью привлечения клише. Отсутствие фразеологических признаков у данного сочетания в татарском не помешало переводчику обратиться к русской фразе.

Инверсивные конструкции: *подросли мы; брожу одна я; отдана я; по родине тоскую; Быть на родине мне летом* – отражают переводческие интенции создания текста с минорным настроением, для чего эксплуатируются исконно русские способы синтаксического конструирования. Оригинальный текст перевода (1) демонстрирует факт редкого использования в татарском языке непрямого порядка слов.

Ряд лексических и грамматических нарушений говорит о коммуникативно-когнитивной цели переводчика сохранить эмоциональную составляющую в ущерб языковой норме. Так, речевая конструкция: *Доля камнем мне досталась* – содержит несочетающиеся компоненты в словосочетании *камнем достаться* (ср.: *камнем падать; камнем висеть на шее; камнем ложиться на сердце; камнем свалиться с души; камнем пойти ко дну; камнем лечь на душу* [1] – но не *камнем достаться!*) В предложении: *О, Аллах, твори заветы Быть на Родине мне летом* – в сочетании: *твори заветы быть на Родине* – наблюдается нарушение стилистической сочетаемости. «Завет (высок). Наставление, совет последователям, потомкам» [5], следовательно, применение слова в невозвышенном, нефилософском, не сугубо религиозном контексте некорректно. Однако выбранная переводчиком коммуникативная стратегия суггестивного воздействия объясняет наличие подобного сбоя.

В тексте (2) первые три предложения составляют риторическую фигуру противопоставления, где предложения первое и второе составляют блок с предикатами, выражающими отрицательное значение: *не подходит, не дался*; а третье предложение содержит предикат, выражающий положительное значение: *для души веско*. Однако адвербиальное сопровождение предикатов: *и близко, по-братски* (обстоятельства образа действия при соответствующих сказуемых) – это варианты сниженного стиля, соответствующего разговорной коммуникативной ситуации, тогда как сирконстант *веско*, имеющий в данном контексте морфологическую природу не наречия, как предыдущие примеры, а категории состояния, скорее тяготеет к стилю нейтральной речи. Кроме того, добиться полного соответствия при переводе практически невозможно, так как «Эквивалентность, да ещё и полная, может существовать иногда только на уровне реального мира. Понятия же об одних и тех же, то есть эквивалентных, предметах и явлениях действительности в разных языках различны, потому что строятся на разных представлениях в национально-отличных сознаниях. Так же и слова живут своей разной словесной жизнью в разных языках, имеют разную сочетаемость, разные стилистические и социокультурные коннотации», – пишет С.Г. Тер-Минасова [7].

Стилистическая эквивалентность мало достижима в данном случае ещё и потому, что «пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала» [3]. Следуя теории эквивалентности В.Н. Комиссарова, можно говорить о реализации в данном случае третьего уровня эквивалентности – уровня способа описания ситуации, при которой кроме общности цели коммуникации и общности ситуации сохраняются и понятия, с помощью которых она была описана в исходном тексте.

Данная иллюстрация большей заботы переводчика об эмоциональном воздействии на читателя, чем о стилистическом единстве фрагментов стихотворения, становится в ряд аргументов в пользу мысли о стремлении переводящего соблюсти первый постулат перевода.

Примеры, свидетельствующие о нарушении другого постулата переводоведения – постулата ясности – находим также в следующих фрагментах текста. В тексте (1) строки: *По степи брожу одна я Будто ветру отдана я* – не служат целям ясно изложения мысли автора оригинала. Конструкция сравнения: *будто ветру отдана я* – не выдвигает на первый план сему *одиночество*, а скорее закрепляет сему *изолированность, отчуждённость от общества людей*. Таким образом, перевод «уводит в сторону» от предназначенного к передаче смысла, «размывает» ясность изложения. В тексте (2) выражение: *Читала по-персидски – Не подходит и близко* – не способствует пониманию читателем мысли: *подходит к чему?* Поэт стремилась сообщить, что чтение на персидском языке было трудным, многое оставалось непонятым. По этой причине использование глагола *не подходит* является неправомерным, не приводит к ясному и однозначному пониманию перевода читателем.

Следующая синтагма: *Читала по-арабски – не дался по-братски* – тоже содержит противоречивое утверждение. Можно рассматривать выражение: *Не дался по-братски* – двояко. Во-первых, как некое одобрение несостоявшегося действия, похвалу языку, который остался неосвоенным с пользой для того, кто им оперировал. Образно говоря, язык – доброжелатель для того, кто им пытался воспользоваться, помощник. Во-вторых, действия языка можно порицать, так как он не проявил себя как доброжелатель, помощник по отношению к тому, кто им стремился оперировать, и в этом заключается не польза, а вред по отношению к читающему.

В предложении: *Что поделать, если доля На головушку младую* – отсутствующий во второй части сложноподчинённого предложения предикат не служит конструированию односоставной части, как, вероятно, замышлялось переводчиком, а вносит заметную неясность в процесс рецепции. Восстановленными в данной позиции могут быть лексемы *пала* и *послана*. При этом, если не говорить в данной ситуации о степени лексической сочетаемости (*доля пала на голову; доля послана на голову*), следует отметить неясность смысла: если пала, то откуда; если послана, то кем? Однако устойчивое выражение *головушка младая* придаёт сказанному особую минорно-драматическую окраску. Постулат ясности не соблюден переводчиком татарского текста, скорее всего, по причине стремления к наибольшему эмоциональному воздействию на читателя.

Таким образом, требования точности и ясности, предъявляемые к художественному переводу, в отдельных случаях не соблюдаются ввиду коммуникативно-когнитивной задачи переводчика максимально сохранить эмоциональный настрой переводимого текста.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 319.

2. Глинская Р. Газиза Самитова / Р. Глинская // Идель. – 1992. – № 11 (22) – Режим доступа: <http://tatar-centr.ru/pages/history/page30/page41.php>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

3. Комиссаров В. Н. Эквивалентность перевода при передаче функционально-ситуативного содержания оригинала / В. Н. Комиссаров. – Режим доступа: <http://www.melnikova-co.ru/text/550>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

4. Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. М. В. Фриче, А. В. Луначарского. – Москва : Изд-во Коммунистической академии : Советская энциклопедия : Худ. лит-ра, 1939. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1989. – С. 202.

6. Самитова Г. Избранные произведения / Г. Самитова; сост. Ш. Самитов, Ф. Акбазова, М. Зайдуллина, А. Изатуллина. – Казань : Книжное изд-во Татарстана, 1965. – С. 15.

7. Тер-Минасова С. Г. Эквивалентность слов, понятий, реалий / С. Г. Тер-Минасова. – Режим доступа: <http://nstudent.ru/catalog.php?c=121&t=1&p=1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Bol'shoj frazeologicheskiy slovar' / ed. V.N. Telija. 2nd ed. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2006. P. 319.

2. Glinskaja R. Gaziza Samitova // Idel'. 1992. № 11 (22). Available at: <http://tatar-centr.ru/pages/history/page30/page41.php>.

3. Komissarov V. N. Jekvivalentnost' perevoda pri peredache funkcional'no-situativnogo sodержaniya originala. Available at: <http://www.melnikova-co.ru/text/550>.

4. Literaturnaja jenciklopedija : in 11 vol. / ed. M. V. Friche, A. V. Lunacharsky. Moscow, Kommunisticheskaya Akademy Publ., Sovetskaja jenciklopedija, Hud. litra, 1939. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature.

5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka / ed. N.Ju. Shvedova. 21st ed. Moscow, Russkij jazyk, 1989. P. 202.

6. Samitova G. Izbrannye proizvedenija / Sh. Samitov, F. Akbazova, M. Zajdullina, A. Izatullina. Kazan, Knizhnoe izd-vo Tatarstana, 1965. P. 15.

7. Ter-Minasova S. G. Jekvivalentnost' slov, ponjatij, realij. Available at: <http://nstudent.ru/catalog.php?c=121&t=1&p=1>.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Казиева Диана Ахматовна, кандидат филологических наук, заместитель начальника Департамента управления делами ПАО «МРСК Северного Кавказа», 357430, Россия, Ставропольский край, г. Железноводск, пос. Иноземцево, ул. Садовая, 197.

В статье рассматриваются культурные координаты языковой личности. Языковая личность предстаёт как носитель языковой картины мира, как совокупность социокультурных, коммуникативных, лингвистических и экстралингвистических характеристик. Автор показывает, что манифестирование черт языковой личности в межкультурной коммуникации осуществляется через текстовую деятельность, которая происходит в поликультурном пространстве. Межкультурная компетенция, детерминированная определённой культурой,